

От редакторов-составителей: история, герои, идеи книги

Книга только что вышла в свет, но у нее есть *история*, в которую мы хотим посвятить читателей. Интервью, предлагаемые вашему вниманию, были проведены в 1995–1996 годах. Они являются российской частью задуманного тогда международного проекта «Интеллектуальные элиты в процессе социально-политической трансформации. Три города: Будапешт, Варшава, Санкт-Петербург (сравнительное изучение)». Контекстом исследования были радикальные социальные сдвиги и перемены в трех восточноевропейских странах (Венгрия, Польша и Россия), которые происходили в конце XX века и повлияли на их историческую судьбу. Дотоле объединяемые понятием «социалистический лагерь во главе с Советским Союзом», они, волею исторических обстоятельств, встали на путь демократических преобразований, рыночной экономики, предоставления политических свобод, отказавшись от многолетних стараний построить коммунистический рай на земле. Таков был выбор народов этих стран, и нет ничего удивительного в том, что он стал отправной точкой для программы совместного социологического проекта¹. Программа исследования предусматривала с помощью глубоких (полуструктурированных) интервью с представителями научной, культурной, творческой интеллигенции выяснить их мнение по самому широкому кругу проблем, связанных с прошлым, настоящим и будущим трех стран, их местом в развитии Европы и мира.

Путеводитель по предполагаемым интервью состоял из четырех основных тематических блоков:

(1) Личная вовлеченность респондента в общественные изменения и события во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов, включая информацию о том, как повлияли переломные события уходящего XX века на личные судьбы ученых и деятелей культуры, включенных в выборки исследования.

¹ Руководитель проекта — профессор Пал Тамаш (директор Института изучения социальных конфликтов Венгерской академии наук, Будапешт), координаторы проекта — профессор Владимир Веселовский (зав. отделом Института философии и социологии Польской академии наук, Варшава) и доктор философских наук Борис Фирсов (ректор-организатор Европейского университета в Санкт-Петербурге).

(2) Оценка событий и произошедших изменений этого периода в СССР и странах Восточной Европы.

(3) Роль интеллектуалов в современном изменяющемся обществе.

(4) Значение трансформаций мироустройства в конце XX века с точки зрения логики развития истории и цивилизаций.

Вопросник разрабатывался как камертон, который, с одной стороны, помогал настраивать респондента на цели и проблематику исследования, а с другой — провоцировал его же на импровизированный анализ затрагиваемых проблем и на размышление вслух по поводу собственных представлений и поступков. Диапазон полученной первичной информации был очень широкий. И тем не менее это обстоятельство не мешало, а скорее помогало респондентам подробно и в открытой форме беспрепятственно излагать и аргументировать свою точку зрения, постоянно апеллируя к личному экзистенциальному опыту и опираясь на него. Все это позволяет высоко оценить тексты интервью как личные документы-свидетельства нашего времени и своеобразные послания представителей научных и культурных элит наступающему XXI веку.

После завершения сбора первичной информации и ее обработки планировалось издать книгу (сборник интервью) в одном из крупных европейских издательств и тем представить на суд европейской и мировой общественности точку зрения интеллектуалов Венгрии, Польши и России на процессы трансформации бывших социалистических стран в конце второго тысячелетия. Замысел не воплотился в жизнь во многом по причине дефицита денежных средств. В результате общая книга так и не вышла в свет, хотя каждая из сотрудничавших сторон выполнила свои первоначальные обязательства — интервью по общей методике были проведены в Будапеште, Варшаве и Санкт-Петербурге. Не состоялся и обмен национальными массивами собранных данных — для этого подробный реферат каждого интервью с национального языка следовало перевести на английский язык. В итоге полученные материалы осели в архивах организаций, взявших на себя роль исполнителей проекта, — Института изучения конфликтов Венгерской академии наук, Института философии и социологии Польской академии наук и Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб).

В частности, удалось сохранить кассеты с записями интервью с видными представителями научной и творческой интеллигенции Санкт-Петербурга, участниками и свидетелями событий на переломе российской истории. Благодаря энергичной помощи сотрудников Открытого архива ЕУСПб эти записи в январе–феврале 2017 года были транскрибированы (расшифрованы), полностью оцифрованы, очи-

щены от шумов и подготовлены к длительному хранению и использованию в научных целях. Общее число интервью составляет 23 (56 часов записей на аудиокассетах).

Теперь о *героях* книги. Интервью были взяты у историков, социологов и гуманитариев: Б. В. Ананьича, Р. Ш. Ганелина, И. М. Дьяконова, Л. С. Клейна, И. С. Кона, В. А. Ядова; физика Ж. И. Алфёрова; нейрофизиолога Н. П. Бехтеревой; кинорежиссеров А. Ю. Германа, А. Н. Сокурова; публицистов и писателей Я. А. Гордина, Н. С. Катерли, М. Н. Кураева, Б. Н. Стругацкого; юриста-правозащитника Ю. М. Шмидта; архитектора Т. А. Славиной; протоиерея Владимира Фёдорова; литературоведов К. М. Азадовского, М. Н. Золотоносова; математика А. М. Вершика; экономистов Б. Л. Овсиевича, Д. Я. Травина; дирижера и хормейстера В. А. Чернушенкоⁱⁱ.

Введение текстов интервью в научный оборот, как нам представляется, убедительно иллюстрирует сложный процесс становления новой российской государственности и демократии, формирования гражданского общества. Одновременно эти тексты способствуют сохранению национальной памяти о знаковых событиях российской истории в конце минувшего столетия.

Теперь познакомим читателя с авторами опубликованных интервью. Говорить мы станем обо всех — как о тех, кто и поныне здравствуют и достойно представляют науку, культуру и искусство нашего города, так и о тех, кто ушли из жизни, не дожив до нынешнего времени, но сумели умножить своими непрестанными трудами историческое наследие Санкт-Петербурга, которое они открыто предъявили России, Европе и миру. Долг требует назвать имена ушедших и сказать, что наша память о них является доброй, благодарной и вечной. Это — Борис Васильевич Ананьич, Наталья Петровна Бехтерева, Рафаил Шоломович Ганелин, Алексей Юрьевич Герман, Игорь Михайлович Дья-

ⁱⁱ В настоящий сборник включены интервью 20 респондентов. Интервью с проф. И. С. Коном, к сожалению, не удалось транскрибировать из-за низкого качества звукозаписи. А. Н. Сокуров отказался от вычитки текста интервью, подготовленного к печати, ссылаясь на занятость неотложными кинематографическими делами. Ж. И. Алфёров не дал согласия на публикацию интервью, сообщив, что, как ему кажется, в тексте содержатся слова и выражения, которые он в настоящее время не может признать своими. Представленный на визу респонденту электронный вариант интервью был копией машинописного текста интервью, с которым автор полностью согласился и удостоверил собственноручной подписью в 1996 г. Подлинник оригинала текста с факсимиле респондента хранится в архиве ЕУСПб. Интервьюером Ж. И. Алфёрова был Б. М. Фирсов.

конов, Борис Львович Овсиевич, Борис Натанович Стругацкий, Юрий Маркович Шмидт, Владимир Александрович Ядов. Их, этих девяти замечательных людей, нет среди живых, но они по-прежнему с нами! Свидетельством чему являются тексты интервью, наговоренные ими двадцать с лишним лет назад в ответ на настойчивые расспросы интервьюеров.

Возвращаясь ко всем респондентам, подчеркнем несколько их *общих* черт, обусловленных осознанием своей принадлежности к слою, представители которого, выйдя из среды образованной части советского социума, обрели качества интеллигентов, а затем, в конце советского периода истории, начали эволюцию в сторону новой роли — интеллектуалов. Исторический контекст заставляет нас искать сопряжение и оппозиции двух терминов: интеллигенция и интеллектуалы. Ведь только в обыденной речи они близки по смыслу. Массовое сознание поставит здесь знак равенства — для него это всё люди с достаточно высоким образованием. Научное сознание не считает эти термины тождественными. Понятие «интеллигент» связывается не столько с местом человека в социальной структуре, сколько с социальной ролью, которую он выполняет. Такова была традиция: быть интеллигентом значило выполнять определенную историческую миссию, выступать нравственным образцом для других членов общества, просвещать народ. Говоря иначе, интеллигент — человек высокой идеи, посвятивший себя заботам об общем благе, служению правде, истине, справедливости. Так рассуждали социологи в советское, далеко не демократическое время.

Переход к рынку и демократии отменяет необходимость быть поводырем народа. Отменяется и нужда в высокой политической ангажированности интеллигенции, когда она берется за конструирование утопий и навязывает обществу свое фантомное видение мира. Отдадим дань уважения деятельности интеллигенции в недавнем прошлом, когда она, по верному емкому замечанию А. Солженицына, была ядром общества, воспитанным не столько в библиотеках, сколько в душевных испытанияхⁱⁱⁱ. Однако советская система наложила табу на эту функцию. На смену внутреннему долгу пришли служебный долг интеллигентов, зачисленных на государственное содержание, и вмененная обязанность воспевать советскую власть...

Возвращаясь к российской ситуации тех лет, о которых пойдет речь в нашей книге, уместно вспомнить, что в своей статье «Спор о модернизме» социолог Зигмунд Бауман описывал экспериментальный

ⁱⁱⁱ Солженицын А. И. Образованщина // Новый мир. 1991. № 6. С. 43.

способ измерения консерватизма–радикализма^{iv}. Изготавливались двадцать рисунков: первый изображал собаку, двадцатый — коша, на остальных восемнадцати пес постепенно утрачивал свои генетические видовые черты и графически приближался к кошу. Рисунки предъявляли испытуемому, отмечая его меру упорства, когда он не хотел признавать никаких изменений, и фиксируя момент, когда он начинал колебаться, а затем приходил к мысли, что пес все-таки неотвратимо превращается в коша. Рискнем утверждать, что эта аналогия может служить базой для понимания всего, что происходит с образованными слоями постсоветского общества, внутри которого началась конверсия (преобразование) интеллигенции в интеллектуалов. Правда, для этого нужны специальные условия. В первую очередь — твердые гарантии юридической независимости интеллектуала от государства. Кроме того, эти гарантии должны подкрепляться надлежащей оплатой интеллектуального труда и опираться на его высокий престиж в обществе. Еще одно условие — профессионализм интеллектуалов и отказ от чисто просветительских и воспитательных функций по отношению к «незрелому народу». Наконец, последнее и самое трудное условие: общество в своей основе должно ориентироваться на индивидуальную ответственность своих сограждан.

Штрихи и контуры этих условий обозначались в перипетиях первых лет жизни новой России. Ощущение принадлежности к свободному интеллектуальному слою наличествует в высказываниях большинства респондентов. И это, пожалуй, первая черта, которая их объединяет. Время интеллигенции сочтено: в правовом и социально неоднородном государстве ее место займут образованные люди, занятые профессиональной деятельностью. Но здесь уже не всевластное государство, а общество будет первичным. Потому потребность в особой государственной необходимости иметь интеллигенцию, попросту говоря, отпадет. Отсюда вряд ли стоит драматизировать закат традиционной модели русской интеллигенции. Возрастание роли профессионалов свидетельствует о возвращении к нормам и правилам развития современного мира. Демиургами (вспомним К. Маркса) исторического действия становятся интеллектуалы. Другое дело, что и сами интеллектуалы (см. тексты публикуемых интервью) переживают переходный период, с надеждой ожидая благоприятных условий, которые позволят им стать значимыми субъектами социальной жизни.

^{iv} Бауман З. Спор с постмодернизмом // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 64.

Отрицательное сальдо в отношениях с советской системой будет второй общей чертой респондентов. Все респонденты — в недавнем прошлом советские граждане. Потому, вступая в сознательную взрослую жизнь, они расставались с преклонением и детской любовью к Ильичу и вождю всех народов Иосифу Сталину, с пионерскими сборами и комсомольскими собраниями, с парадным фасадом советской жизни, с обещанием партии построить коммунизм к 1980 году, с ослеплением образом партии-государства. Иллюзорные добродетели и фальшивое человеколюбие служили щитом для маскировки абсолютной и жестокой власти. Коллективный гипноз, вызванный повседневным отправлением этой власти, является фактом их недавнего прошлого. Здесь стоит постоянно возвращаться к гипертрофированной роли коммунистической идеологии. Именно с ее помощью был построен ирреальный советский мир, в который перетекло социалистическое общество, разорвав свои связи с реальным историческим пространством и временем. В этом «зазеркалье» возникли иррациональная экономика, иррациональные общественные отношения и иррациональная власть партии, присвоившей себе право распоряжаться судьбой всех и одновременно каждого. Независимость научного мышления была утрачена, а вместе с нею способность думать и жить исходя из реалий.

Желание власти удержать народ в повиновении было безграничным. Этот важный тезис находит подтверждение в рассказах (ответах) респондентов, посвященных собственной судьбе и судьбам близких людей, старшего поколения, родителей, многие из которых стали жертвами сталинского террора. Репрессии, в нашем сегодняшнем понимании, имели генеральный замысел: уменьшить степень видового разнообразия общества — энтропию социума, превратить управляемых и гонимых в одноликую массу. От этой человеконенавистнической идеи власть отказалась только в последнее десятилетие советской системы. Однако «принцип допустимости инициативного насилия», изобретенный партийно-государственным аппаратом и активно применявшийся с целью закрепления власти партии над народом, был отменен лишь в перестроечные годы. Касаясь самой технологии этого процесса, растянувшегося на долгие годы советской истории, следует прежде всего определить его цель. Она состояла применительно к отдельным индивидам в борьбе с инакомыслием и разномыслием, а по отношению к элементам социальной структуры — в снижении степени их разнообразия, вариативности и устранении их асимметрии. Заветная мечта Коммунистической партии — социально однородный социум, в котором господствует номенклатура. У респондентов есть множество оснований предъявить «гамбургский счет» советской си-

стеме, хотя они ясно представляют себе, что этот счет никогда не будет оплачен. К тому же и сама эта система оказалась во многих смыслах нежизнеспособным мутантом, осмелившимся разорвать связь с прошлым опытом человечества.

Третье общее свойство, на которое нельзя не обратить внимания, — чувство свободы и раскрепощения, долгое время теплившееся в сознании образованного советского человека и до определенного времени лишенное возможности выйти наружу и воплотиться в делах и поступках, в открыто выражаемых мыслях и переживаниях жизни. Респонденты — действительно свободные люди, что находит свое подтверждение в непростых диалогах с интервьюерами, пронизанных ощущением конца длительного периода беспрекословного подчинения власти, порядку, системе. Одновременно их память хранит воспоминания (думы) о недавнем былом, например об исторических встречах руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства в хрущёвскую эпоху. Именно тогда впервые и открыто свобода творческого воображения вступила в открытый конфликт с аппаратно-бюрократическим антиинтеллектуализмом. Свой особый «подарок» от органов цензуры получили ученые в виде монотонно публикуемых «Перечней сведений, запрещенных к публикации в открытой печати». Одному из авторов вступительной статьи обложки этих перечней постоянно приходят во сне. Главным их назначением в период застоя стала не столько охрана государственных тайн, сколько преднамеренное сокрытие от граждан страны, от мировой общественности реальных противоречий развития советской системы; растущей озабоченности людей ухудшающимся положением страны; кризисных явлений в различных сферах; стремительного падения авторитета власти, лидеров партии и государства. Однако самым главным цензором были не столько Главлит и его отделения на местах, сколько партия вкупе с партийным аппаратом в роли главного надзирателя страны. Этот тандем отличало полное единство целей в том, что касалось борьбы с инакомыслием и разномыслием. Едва ли не все респонденты хранят в своей памяти случаи, когда им приходилось под нажимом цензоров делать купюры в текстах, снижать до шепота тон и без того безобидных замечаний по поводу жизни общества или убирать статистику, сквозь призму которой бдительные цензоры (и никто другой, кроме них!) угадывали мнимые опасности дискредитации советской системы. Все знали, что партийный и цензорский аппарат были «сиамскими близнецами». Разъединить их даже хирургическим способом было абсолютно невозможно.

Говоря о государственных путах, которые по рукам и ногам связывали деятелей науки, культуры и искусства, лишая их свободы слова

и выражения, нельзя забыть славные органы государственной безопасности. Их «живое и заинтересованное» участие в контроле и надзоре за образованными людьми, за отрядами советской интеллигенции имело своим следствием создание системы наказаний и превентивных мер, которая не опиралась на законодательство и даже противоречила ему^v. Именно КГБ поделил советскую интеллигенцию на «выездных» и «невыездных», на послушных и непослушных власти и порядку. Эти меры принудительно отлучали советских граждан от научного и культурного опыта других стран, от современных знаний. На языке чекистов подобные меры назывались профилактическими. Их придумали для того, чтобы не всякому открывать ворота из советской «резервации» во внешний мир. Опасность оказаться в разряде «невыездных» и лишиться допуска к зарубежным контактам, литературе, периодике были сильнейшим регулятором поведения ученых, творческих работников, побуждая их поддерживать с властью и ее подручными лояльные отношения и не выходить за «красные флажки».

Но эта антигуманная ситуация все же начнет меняться, поскольку в недрах позднего послесталинского, добавим, авторитарного общества станет вызревать, выстраиваться и пускать корни неконформистская культура. Ее носителями были наряду с диссидентами многие деятели науки, культуры и искусства, сознательно вставшие на путь оппозиции в форме не возмущающего власть противостояния. Ядро выборки, сконструированной для реализации нашего международного проекта, состояло именно из таких людей. Признаками этой неконформистской культуры станет расфокусировка советской ментальности, настроенной в хрущёвский период правления на волну строительства коммунизма. Именно тогда впервые в советской истории потребность в выражении самосознания заявит о себе сильнее, чем попытки власти всячески сдерживать ее развитие. Здесь естественным окажется наступление периода горбачёвской гласности и перестройки, когда начнется болезненное, но неуклонное разрушение советской системы. Распад привычной картины мира в сознании основной массы советских людей повлечет за собой массовую дезориентацию, утрату идентификации на индивидуальном, групповом уровнях и уровне всего общества в целом. В этих экстремальных и необычных для страны социальных условиях интеллектуалы-неконформисты сохранят свое

^v Превентивные меры, воспоминания о которых стойко хранит память респондентов, сейчас могут показаться реликтовыми, но все же о них следует напомнить тем, кто начал свою жизнь с труда и занятий в духовной и интеллектуальной сферах, не зная запретов на свободу выражения слова и мысли.

мировосприятие и внутреннюю убежденность в необходимости смены режима.

Тема отношения респондентов с советским режимом фокусирует наше внимание еще на нескольких созвучных моментах их ментальных и поведенческих установок. Жизнь в СССР сформировала у них настроенное отношение к любой власти, устойчивую привычку дистанцирования от политического истеблишмента, органическое неприятие «хождения во власть». Важно отметить, что взаимоотношения героев книги с властью были крайне простыми: не соглашаясь в принципе с режимом, одновременно они были лояльны к нему. Эта лояльность никогда не достигала абсолютных величин — сапог власти никто не лизал, однако и на открытую конфронтацию с властью мало кто шел. Это была позиция не открытого сопротивления, а латентного противостояния системе, направленная не столько против режима, сколько против лжи режима — оруэлловского зазеркалья, где свобода — это рабство, а незнание — сила. Латентное противление обезличивающей силе «совка» — выбор сознательный, обусловленный пониманием того, что глупо, даже безнравственно противопоставлять этой силе насилие, открытую конфронтацию, такой путь никогда не станет «дорогой к храму». Поэтому они не стали революционерами. Не были они и диссидентами.

Практики упорного сопротивления системе, сохранения себя как личности, своей самости привели наших респондентов в лоно профессиональной сферы, где они пытались быть максимально свободными, укрываясь от нетерпимости власти к особому взгляду и иному мировоззрению. Именно в профессии каждый из них отстаивал свое право на свободу, боролся против государственной идеологии единомыслия. Этот порыв к самореализации в профессии составлял стержень их существования в условиях системы. Профессиональное признание стало тем оружием, которым они, каждый по-своему, разрушали лицемерие и ложь молоха власти. Все остальное было куда менее важно — и объективная несвобода, и постоянное ощущение рядом дыхания КГБ. И чем больше разрасталась тотальность власти, чем меньше и теснее было пространство индивидуального выбора, тем глубже становилась «внутренняя эмиграция» в профессию. Экспансия Левиафана, которая свела до минимума, фактически до размера интеллигентских кухонь, свободу самовыражения советских граждан, лишь усиливала данную тенденцию.

Уход в профессию стал основой рекрутирования культурной и научной элиты в СССР, сформировав альтернативную, неправящую элиту. Отношение власти к ее представителям было неоднозначным. Сказать, что эти отношения суть отталкивание, неприятие или,

наоборот, поощрение/приручение, — значит, ничего не сказать. Здесь присутствовала сложная комбинация самых разнородных и разноречивых стратегий. Многосложные алгоритмы взаимодействия власти и культурной элиты хорошо прослеживаются в судьбах респондентов: одним из них позволялось реализоваться в профессии, другим пришлось пройти через допросы и лагеря.

Но вне зависимости от специфики жизненных траекторий многолетний опыт контактов с властными структурами развил в респондентах, с одной стороны, иммунитет к радиации власти, а с другой — стабильное нежелание/избегание контактов с нею. Когда перестройка дала этим людям возможность не замыкаться в коконах внутренней эмиграции, никто из них не «пошел во власть», не связал себя с большой политикой, не стал и даже не пытался стать частью правящего политического класса: слишком живучими оказались тактики «уклонения от власти» советской интеллигенции.

Однако несмотря на множество точек соприкосновения, пересечений и сходств, героев книги все-таки нельзя назвать единомышленниками — это сообщество разномыслящих людей.

Перед нами двадцать способов понимания, двадцать способов проживания сходных обстоятельств. Во время интервью наши собеседники размышляли о недавних событиях перестройки, определяли и переопределяли ситуацию в нашей стране в постперестроечный период, которая стремительно развивалась на их глазах, а часто и с их непосредственным участием. Оценки произошедшего, мысли о будущем упрямо не соединяются на страницах книги в стройный хор, что, наверное, вполне естественно: слишком ярки и самобытны личности респондентов. В годы перестройки возникло их краткосрочное единение, целью которого была трансформация советского строя. Как и подавляющее большинство советской интеллигенции, ставшей мотором горбачёвских преобразований, они объединили свои интеллектуальные силы для строительства новой, отличной от опостылевшего «совка» жизни. Хотя их энтузиазм был ограничен разочарованиями в неудавшейся хрущёвской оттепели и принципиально критическим отношением к инициативам, исходящим от власти. Гласность вызвала растущую дифференциацию взглядов, обнаружив конфликтность, а порой и несовместимость представлений респондентов о целях и формах начавшихся социокультурных трансформаций. Август 1991 года, став моментом кратковременного единства, все же разбросал еще недавних соратников по различным секторам пестрого политического ландшафта постперестроечных лет. Одновременно с утратой «перестроечной» идентификации начался мучительный поиск альтернативных путей развития России.

Тексты интервью отражают острую борьбу вокруг выбора оптимальной модели будущего устройства России, развернувшуюся в середине 90-х годов. Опираясь на их содержание, можно выделить три конкурирующие программы, составившие основы разномыслия тех лет: социально-демократический вариант предполагал построение социального государства, совмещающего рынок и надежную социальную защищенность граждан страны; радикальный либерализм (с явным уклоном в либертарианство), где государству отводилась минимальная роль «ночного стража»; консервативная программа, опирающаяся на традиционные национальные ценности и представление об особом миссионерском предназначении России. (Однако несмотря на радикализм общественных настроений, разномыслие горбачёвской эпохи окажется не способным изменить стереотипы советской ментальности.)

На страницах этой книги сосуществуют три поколения: на момент интервьюирования самому младшему нашему респонденту было 34 года, а самому старшему — 81 год. Такой возрастной разброс неслучаен.

Напомним, что исследовательский интерес проекта был сфокусирован на эпохе перестройки и первом десятилетии постперестроечных трансформаций. Как и любая фиксированная точка на шкале истории, этот период одновременно переживался посланниками трех времен. На межпоколенческой агоре судьбоносного для нашей страны времени встретились представители трех исторических измерений: военное поколение, отстоявшее страну в схватке с фашизмом, молчаливо пережившее послевоенное разочарование и новую волну сталинских репрессий; их дети — «шестидесятники», сверстники «оттепели», первое «непоротое» поколение советских людей, не знавшее страха ночных воронок (они составили основную часть наших респондентов); их внуки — генерация застоя и «гонки на лафетах». Размышляя о судьбах поколений, Ортега-и-Гассет когда-то сравнил каждое поколение с «караваном, внутри которого мы добровольно движемся вперед. Человек — его узник, в глубине души тайно радующийся своему плену»^{vi}. В стабильные периоды истории различные поколения сосуществуют как бы параллельно, лишь иногда с удивлением замечая, «как мимо идет другой, чужой караван»^{vii}. Но иногда дистанция между поколениями резко сокращается, они сливаются в мощном потоке социальных преобразований, сметающем прошлые поколенческие различия.

^{vi} Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы: эссе о литературе и искусстве: сборник / пер. с исп. М.: Радуга, 1991. С. 12.

^{vii} Там же.

Постепенная адаптация и модификация поведенческих и ментальных моделей становятся в такие периоды невозможными, «происходит консолидация новых достижений опыта... формируется новый центр конфигураций... возникает основание говорить о появлении нового образа поколения»^{viii}.

Стала ли перестройка тем знаковым историческим событием, которое вывело на авансцену российской истории новое поколение — поколение перестройки с узнаваемым, отличным от предшественников ощущением жизни, образом мыслей и действий? Большинство исследователей новейшей истории отвечают на этот вопрос утвердительно. Долго зревшие в недрах застывшей социальной системы перемены прорвались наружу и хлынули таким неудержимым потоком, что за несколько лет кардинально трансформировали привычный уклад вялотекущего «развитого социализма», сформировав новую генерацию, созвучную исторической ситуации. Можно ли отнести наших респондентов к этому поколению? И да и нет. Несомненно, перестройка стала общим знаменателем их биографических траекторий. Не будь ее, их жизнь сложилась бы иначе, а у некоторых из них даже трагически. Три различные группы сверстников, волею судеб оказавшиеся свидетелями и непосредственными участниками исторического *со-бытия*, стали *со-временниками*. У них было различное пространство опыта, но общая среда обитания, и их горизонт ожиданий совпал с духом времени (*Geistzeit*) перестроечного поколения. Однако абсолютного и долговременного единения с этим поколением у наших героев не произошло. Интервьюер проекта Никита Елисеев отметил в одной из наших бесед, что, возможно, наученные долгим опытом театрализации истории, они испытывали инстинктивную боязнь мифологизации исторического события. Пласт прожитого и глубоко осмысленного ими социального опыта создал необходимую дистанцию для критического восприятия произошедших трансформаций.

Несмотря на то что все они поддержали горбачёвскую перестройку, в их размышлениях и оценках, зафиксированных в интервью, нет ни звонких приветствий, ни победных реляций, ни ритуальных проклятий в адрес «темных сил», разрушивших страну, характерных для оценок их *со-временников*. Поэтому среди поколения перестройки они представляли скорее «альтернативное меньшинство» (М. Гефтер).

^{viii} Мангейм К. Очерки социологии знания: проблема поколений — состязательность — экономические амбиции / Карл Мангейм; пер. с англ. Е. Я. Додина. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 43.

То, что объединяет их понимание сложной и неоднозначной эпохи перехода, — это особый, *невосторженный образ мыслей*. Этот специфический вид мировосприятия, когда-то тонко подмеченный братьями Стругацкими, мы и вывели в название нашего сборника. Применительно к историческим оценкам в нарративах, представленных вниманию читателя интервью, это не только то, о чем предпочитают вспоминать, но и то, каким образом вспоминают респонденты. Говоря о формах осознания своего прошлого, Фридрих Ницше выделял три вида истории, три типа памяти: монументальная, антикварная и критическая. «Первая — мифологизирует историю, вторая — бальзамирует ее, третья, критическая, — «подступает с ножом к ее [истории. — *Ред.*] корням» в интересах будущего и настоящего^{ix}. «Невосторженные размышления» героев книги принадлежат к третьему типу памяти. Они противостоят нашему извечному искушению «создать себе а posteriori такое прошлое, от которого мы желали бы происходить, в противоположность тому прошлому, от которого мы действительно приходим»^x, предостерегая «делать наши желательности судьями бытия»^{xi}.

В заключение мы хотели бы выразить нашу глубокую благодарность всем тем, без кого эта книга никогда не увидела бы свет.

Прежде всего, коллективу Европейского университета, который в трудное для него время нашел силы и финансовые возможности поддержать проект и фактически вдохнуть в него вторую жизнь;

всем нашим респондентам, взявшим на себя нелегкий труд отвечать на дотошные расспросы интервьюеров;

глубокоуважаемым родственникам тех героев книги, которые ушли из жизни, не дожив до публикации этого труда, за их деятельное участие и помощь в его подготовке к изданию;

нашим интервьюерам В. В. Волкову, Н. Л. Елисееву, О. Н. Кену, проявившим высокий профессионализм, творческую фантазию и истинное стоическое бесстрашие в проведении интервью со столь именитыми и титулованными респондентами;

^{ix} Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ф. Ницше. Сочинения в двух томах: Т. 1. М., 1990. С. 178.

^x Там же. С. 179.

^{xi} *Он же*. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцк и др. М.: Культурная революция, 2005. П. 709.

Я. В. Зверевой, с героическим упорством и высокой профессиональной точностью расшифровавшей интервью, запись которых во многих случаях была далека от совершенства;

нашим добровольным консультантам и первым читателям рукописи сборника Д. Я. Травину и Б. З. Докторову.

Мы искренне признательны коллективу Архива Европейского университета: Г. Г. Лисицыной, В. Н. Занозиной, Е. Ф. Любомировой за их профессиональную помощь, дружескую и заинтересованную поддержку на всех этапах подготовки издания. Именно благодаря их усилиям события этой книги ожили в уникальных фотографиях тех лет.

Бесценен вклад и издательского редактора Е. И. Васьковской с ее филигранным отношением к русскому языку, создавшей комфортную и доброжелательную атмосферу сотрудничества на этапе издательской правки рукописи.

Б. М. Фирсов, Н. В. Печерская
2018 г.

P. S. Читателю предстоит еще одна встреча с героями этой книги — респондентами 1995–1996 годов, с теми, кто здравствует и поныне. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге готовит второй том «Невосторженных размышлений» — сборник повторных интервью, проведенных в 2018 году. Интрига второго тома состоит в том, что скажут свидетели тех событий о России на этот раз.